

ИТАК: антитетизм алхимического — и соответственно всего средневекового — мышления есть специфическая, исторически неповторимая, логическая форма этого мышления; особая характеристическая примета — главная примета — противоречивости этого мышления. Однако не противоречивость вообще. А противоречивость, определяющая неповторимый облик средневекового мышления; отличная и от апокрифической античности, и от антиномий нового времени.

Но вновь вчитаемся в наш текст о *львах* и *драконах* — с высоты Большого текста средневековья. В самом деле, совершенная жизнь философского камня, призванного обратить *несовершенный металл* в *совершенное золото*, может быть достигнута лишь ценой смерти *львов* и *дракона*; ценой их «физико-химической» гибели. В то же время никчемность философского камня в безнадежной трансмутационной утопии оправдана многоцветной и полнозвучной, хотя и несовершенной, жизнью живых «физико-химических» и мифопоэтических *львов* и *драконов*. Смерть, попираемая смертью же. Возвышение попранием.

«Околокультурная» алхимия выразительно рассказала о собственно средневековом мышлении в антитетических оппозициях. Но именно в алхимии живой антитетизм средневековья, окаменев, обернулся статическими взаимозаменяемыми рядами алхимического символизма¹⁹. Но и официальное средневековье не осталось безразличным к алхимии — околокультурному своему соседу, ютящемуся на химерических задворках готического собора. В перспективе — культура нового времени. Схема антитетических различий *Великого деяния* на пути от *железа* к *золоту*, от *Марса* к *Солнцу*, не вполне совпадает с глубоко личным движением к нравственному абсолюту — с отысканием себя в боге и бога в себе, каким бы низким и греховным этот ищущий не был. Как раз именно низость и греховность — залог этого поиска, обретения в себе бога, и даже бога... в боге. Задача эта облегчалась тем, что искавшим этот нравственный абсолют был вѣдом и освящен верой евангельский пример, который звал к подражанию. Христианские антитезы лишь возвышали и без того высокую тезу своим тварным несовершенством, только так и приобщая средневекового человека к богу, высветляя в нем человека в его субъективно-личностном становлении. Индивидуальное действие во искупление становилось коллективным деянием. Алхимия этого не знала, резко обозначив схему, но отбросив все остальное — живое. Вместе с тем, воспользовавшись внешними приметами антитетического мышления, алхимик символизировал оппозиции, сконструировав свой

¹⁹ Поиск безликой сущности и в результате этого поиска обретение предельной индивидуальности в их фантастической неразрывности — таков путь алхимии, бессознательно пародирующей каноническое средневековье. Но *Experimentum et experientia*; сущность вещи и ее мастер; *первоматерия* и *квинтэссенция*; совершенствование металла и посредник в этом совершенствовании (*философский камень*); комментатор природы и одновременно ее соперник: все это и укладывается, и не укладывается в схему средневекового антитетизма. Алхимическому материалу еще предстоит основательно столкнуться с этой схемой.